

Александр
Матвеев

*«Касалась Муза
щёк моих...»*

*Стихи
и песни*

Александр Иванович Матвеев

«Касалась Муза щёк моих...»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44559324

*А. И. Матвеев. «Касалась Муза щёк моих...»: ИПО «У Никитских
ворот»; Москва; 2019
ISBN 978-5-00095-849-0*

Аннотация

Александр Матвеев – поэт прямого стиля. Ему, бесспорно, близка некрасовская лира, он не приемлет никакой игры, главное для него – накал высказывания. Он пускает свои слова по кратчайшему к сердцу читателя пути. В книге «Касалась Муза щёк моих...» это его свойство раскрывается в полной мере и являет нам разные свои грани.

Свет пронзает все жанры, которые пробует Матвеев, но при этом он никогда не теряет великую прямоту русского поэтического стиля. Стиля, которому он хранит верность и который, по всей видимости, до предела укрепляет его жизненный стержень.

Содержание

Путь к свету Александра Матвеева	5
А жить непросто... (духовная лирика)	12
Касалась Муза щёк моих...	20
Дождь по лужам припустил... (полудетское)	65
К роялю лирика шагала...	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Александр Матвеев

«Касалась Муза щёк моих...»

© Матвеев А. И., 2019

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2019

* * *

Путь к свету Александра Матвеева

Александр Матвеев – поэт прямого стиля. Ему, бесспорно, близка некрасовская лира, он не приемлет никакой игры, главное для него – накал высказывания. Он пускает свои слова по кратчайшему к сердцу читателя пути. В книге «Касалась Муза щёк моих...» это его свойство раскрывается в полной мере и являет нам разные свои грани.

Для меня в поэзии Матвеева важно, что он и не пытается скрыться за лирическим героем. Он в каждом катрене остаётся самым собой, человеком чести, не лишённым лирического самосознания, но при этом неизменно делающим выбор в пользу благородства.

* * *

*Прошу я Бога: «Помоги!
Не дай мне сердцем очерстветь.
От зла меня убереги,
Гордыню дай преодолеть».
В душе моей и страх, и стыд...
С иконы – строгие глаза —
Безмолвно плачу я навзрыд,
И на доске святой – слеза.*

*Стучат в морозное окно
Синицы клювами с утра;
И ярко солнце, и темно,
И словно не было вчера;
Сгребу с тропинки снег ночной
И печь неспешно затоплю;
Схожусь к колодезю за водой
И Божьих птичек накормлю.*

Первое стихотворение – это заявка, та самая планка, в нём намечены все те пути, по которым Матвеев поведёт читателя. Здесь и прозрачная форма, и выверенная рифма, и большая доля поэтического самопожертвования, и холодок вечности, от которого не мёрзнешь, а преисполняешься достоинством и пониманием смысла жизни.

Природа имеет для творчества Александра Матвеева почти определяющее значение. И это видно по второму стихотворению в книге. Здесь боль природы он пропускает через себя, делает её предметом стихотворного осмысления, а впоследствии и очищения:

*Пришёл пожар в мою Сибирь —
Проникнут к ней благоговеньем.
Как изменился нынче мир,
Нет ни к чему уже почтенья.
Насупил брови наш Байкал,*

*Ведь и к нему идут пожары,
В опасности и стар, и мал, —
Боятся ль люди Божьей кары?
Молиться нужно? Да. Молись, —
Греховный мир спасёт молитва.
Но, помолившись, потрудись, —
Не победить врага без битвы.
Пожар мы сможем одолеть, —
Всевышний нам в беде поможет.
Но... Не мешало бы прозреть, —
Жить без почтения негоже.*

В этих строках масштаб личности автора сразу заметен. Он образность «насупил брови наш Байкал» умело подстраивает под общую задачу стихотворения. А пожар воспринимает как возможность народного движения и народного преодоления. Очень интересно использование в рамках прямого стиля приёмов раннего символизма, а также обращение к высшим силам не как к спасению, а как к прозрению.

Мотив прозрения вообще для Матвеева один из основных. Им пронизаны многие тексты книги. И везде он воспринимает Бога не как панацею от всех бед, а как воззвание к совести, к памяти, к лучшему в человеке:

*...А жить непросто, ой непросто, —
Забыв и Бог, и Человек.*

*В мозгах свирепствует короста,
С катушек съехал целый век, —
Ложь беззастенчиво струится,
Лишь не фальшивят в пенье птицы.
Сурово время — мир суровый...
Вдруг показалось мне на миг,
Что на иконе хмурит брови
Знакомый с детства Божий лик.
Жестоко время. Что же дальше? —
Избавь, Всевышний, нас от фальши.*

Через религиозное созерцание Матвеев настраивает свою творческую оптику так, что суэта, мелочность жизни в объектив не попадают, а святые чувства и подлинные переживания обнажаются и вызывают у читателя катарсис.

Мне кажется любопытным то, как Матвеев выбирает адресатов своих стихов. Для него эта часть творчества очень важна. Его не устраивает обращение к читателю абстрактному, он меняет этот ракурс в зависимости от той художественной задачи, которую перед собой ставит. Иногда он обращается сам к себе, к своей жизни, к своему опыту:

*Старался рифмы я прогнать
Той ночью безуспешно.
Они печальны: «ать-два-ать...» —
До боли безутешны.*

*Кто горестных направил в стих,
Маришировать заставил?
...Касалась Муза щёк моих
Горячими устами.*

Иногда к конкретным людям из других поколений, из других социальных групп, попросту из другой жизни:

*Я удивляюсь молодым,
Тебе я удивляюсь, Катя!
Не освежает воздух дым,
О, как сегодня дым некстати!*

А порой ко всем добрым людям Земли. Он намеревается своими стихами переделать многих из тех, кто заблуждается и не верит в силу добра, в целительность раскаяния и высшую мудрость сострадания.

В книге множество стихотворений. Полный анализ их превратится в целую диссертацию. Но стоит сказать, что каждое из них – это законченный кадр, и по ним читатель смотрит прекрасное кино, где герои прекрасны под стать русским былинным богатырям. Кстати, эстетика сказания Матвееву далеко не чужда. Это подтверждает блестящая, одобренная эзоповым языком, полная точных метафор маленькая поэма «Сказание о бобровом царстве». Здесь Мат-

веев демонстрирует не только способность выдерживать долгое поэтическое дыхание, но и умение выстраивать тонкий многослойный поэтический сюжет.

Матвеев ставит острые вопросы и, не давая на них прямых ответов, тем не менее указывает читателю путь. Это путь к свету.

* * *

*Кто, скажи, твой близкий друг?
Тот, кого ты видеть хочешь,
И порой в глухой ночи
Ты к нему бежишь что мочи?
И красиво с ним молчишь;
Кто теперь он, дальний друг?
Тот, кого ты редко видишь,
Никогда не забываешь,
На цыганском иль на идиш
Он от роду говорит,
Но ты друга понимаешь,
За него душа болит?
Он за тридевять земель,
Ты с ним в радости и в горе;
В жаркий день или в метель
Мчишься, с другом чтоб поспорить,
Если нужно, поддержать*

Или вместе помолчать.

Свет пронзает все жанры, которые пробует

Матвеев, но при этом он никогда не теряет великую прямоту русского поэтического стиля. Стиля, которому он хранит верность и который, по всей видимости, до предела укрепляет его жизненный стержень.

Максим Замшев

А жить непросто...

(духовная лирика)

*** * ***

Прошу я Бога: «Помоги!
Не дай мне сердцем очерстветь.
От зла меня убереги,
Гордыню дай преодолеть».
В душе моей и страх, и стыд...
С иконы – строгие глаза –
Безмолвно плачу я навзрыд,
И на доске святой – слеза.

Стучат в морозное окно
Синицы клювами с утра;
И ярко солнце, и темно,
И словно не было вчера;

Сгребу с тропинки снег ночной
И печь неспешно затоплю;
Схожу к колодцу за водой
И Божьих птичек накормлю.

Пожар в Сибири

Пришёл пожар в мою Сибирь –
Проникнут к ней благоговеньем.
Как изменился нынче мир,
Нет ни к чему уже почтенья.

Насупил брови наш Байкал,
Ведь и к нему идут пожары,
В опасности и стар, и мал, –
Боятся ль люди Божьей кары?

Молиться нужно? Да. Молись, –
Греховный мир спасёт молитва.
Но, помолившись, потрудись, –
Не победить врага без битвы.

Пожар мы сможем одолеть, –
Всевышний нам в беде поможет.
Но... Не мешало бы прозреть, –
Жить без почтения негоже.

* * *

«Мой друг, оставь высокий слог,
Поэтом будь – не бюрократом.

Всё видит Бог, всё слышит Бог,
Туши пожар – возьми лопату».

* * *

«Не обижайся, не ропщи,
Судьбу исправить не пытайся...
И правду... правду не ищи, –
В объятья ей не попадайся.
Под видом правды ходит ложь,
Одета в яркие одежды».
В мозгах и оторопь, и дрожь, –
О, как прожить мне без надежды?!
Я слышу чёрные слова,
Я в сердце их не принимаю;
От мыслей пухнет голова,
В смятенье духа я страдаю...
Но сотворил вдруг чудо крест,
Нечистый мигom исчезает.
«Не выдаст Бог, свинья не съест...» –
Присловье с горlinkой летает.

Я в помощь Бога призываю
И зло-унынье прогоняю.

Пред иконой

Как в этом лживом мире жить?
Не обижаться, если врут
И слёз людских не замечают?
Когда наотмашь злобно бьют,
Когда ошибки не прощают?
И где опора? С кем дружить?

Печаль. Икона. Мягкость света.
Вопросы сердца и ответы...

Молитва

Я знаю, «дважды два – четыре»,
Не счесть подобных постулатов;
Стою один в огромном мире,
Стою в тревоге пред закатом;
Светило скроется. И что же?
И суета уйдёт навеки?
О, дай мне разуменье, Боже,
Как оставаться Человеком?!
Светило встанет, и, возможно,
Я повторю свои ошибки?
Что есть насущно, что есть ложно?
И кто «аз есмь» в сем мире зыбком? –
Могу обидеть словом грубым
Того, кто жизни мне дороже;
Зачем скрываю, что так любо?

О, дай же сердцем мне, о Боже,
Познать себя, не быть неправым,
Других прощать и жить с улыбкой;
Но отчего закат кровавый?
Что значит знак сей в мире зыбком?

Пошли мне разуменье, Боже, –
Как жить, чтоб Небо не тревожить?

* * *

...А жить непросто, ой непросто, –
Забыт и Бог, и Человек.
В мозгах свирепствует короста,
С катушек съехал целый век, –
Ложь беззастенчиво струится,
Лишь не фальшивят в пенье птицы.

Сурово время – мир суровый...
Вдруг показалось мне на миг,
Что на иконе хмурит брови
Знакомый с детства Божий лик.
Жестоко время. Что же дальше? –
Избавь, Всевышний, нас от фальши.

С верой

Я бегу по водной глади,
Подо мной пружинит твердь.
Не гони ты, Бога ради,
Ветер, волны не гони;
Для меня волнение – смерть;
На воде, как на батуте,
По поверхности скачу.
Я подобен капли ртути...
Чуду жизнь моя сродни, –
Над волною вдруг лечу.

Так приходит ко мне вера, –
Что сомненья, что мне шторм?
В Божий мир открылись двери,
К ним я с радостью бегу, –
С верой всё мне нипочём.
«Усмирит Он, знаю, море»,
Знаю, Он меня ведёт:
Я с иконой чудотворной –
На заветном берегу;
Светом дышит небосвод.

* * *

Однажды в сельском Божьем храме
Дневная бабочка порхала, –

«За упокой» – молитва маме
В тот скорбный час в тиши звучала.
...А над погостом в синем небе
Кружилась тихо бела лебедь.

Письмо Кате

Воли человека и Сам Господь не понуждает, хотя
многими способами вразумляет.

Амвросий Оптинский

Я удивляюсь молодым,
Тебе я удивляюсь, Катя!
Не освежает воздух дым,
О, как сегодня дым некстати!

...Давно костры уже сгорели,
И дует ветер очищенья;
Ну, что ты, Катя, в самом деле,
В каком живёшь ты измеренье?

Словам поверила легко
И в пустоту открыла двери...
Подумай, бабке каково
Узнать, во что ты нынче веришь?

Сними с очей же, Катя, шоры
И древние молитвы вспомни...

Осядет муть, исчезнут споры,
Не поменять у древа корни.

Исчезнет, Катя, едкий дым,
От веры предков не отступим.
Да, нелегко вам, молодым,
Порой наивным, но не глупым.

Недавно в сельской церкви был,
Молились маленькие дети...
Подумал, здесь мой прадед жил, —
Дороже нет земли на свете.

«Не нам ведь пастырей судить,
Не нам менять молитв каноны,
По вере предков надо жить», —
Шепчу слова я пред иконой.

Касалась Муза щёк моих...

Поэт

Велика Россия, а позвонить некому...

Геннадий Шпаликов

Он – утлый чёлн,
Он – ледокол,
Он – миноносец, он – корвет,
Он – парусник времён Петра...
Роняя строки на ходу,
Поэт, подобно кораблю,
В житейском море шествует один.
Ему и штормы нипочём,
И не пугают его рифы,
Но затхлый штиль поэту хуже смерти.
А безразличие толпы?
А фарисейство власть имущих?
Кому дано понять Творца?
Он – Человек, но он – Поэт.
И, как никто, он уязвим;
Творец не терпит пустоты...
Корабль опустится на дно,
В унынье моря и покоя,
А миру... миру всё равно...

Возможно, в шторм
Скучают волны?

* * *

Жизнь моя – пора осенняя,
Дни и ночи замечает
Снегом ароматным,
Нет в душе моей покоя,
Вспоминаю многократно,
Как стену я сам построил
Из булыжников обиды;
Из-за них ли, ошибаясь,
Сам себя возненавидел?
Что теперь? Я каюсь, каюсь,
Измениться я пытаюсь.

Жизнь моя – в цветах осенних:
Астры, флоксы, георгины...
Всё мне в радость. Куст калины
Запылал огнём закатным.
Всё, что было, всё возвратно:
Я судьбу свою морскую
На мольберте нарисую,
В жизни новой, повторяясь,
От любви не отрекаясь,

Изменяю судьбу седую.

Было всё, ошибки были, —
Я простил — меня простили.

* * *

О чём мои ночные сны?
Пишу я в них стихи другие,
Где рифмы свежие-живые;
Но мне не спрятаться в стихах, —
Как не хватает тишины!
И к ней ползу я на бровях...

Ночью

Старался рифмы я прогнать
Той ночью безуспешно.
Они печальны: «ать-два-ать...» —
До боли безутешны.
Кто горестных направил в стих,
Маршировать заставил?

...Касалась Муза щёк моих
Горячими устами.

Удача где-то рядом кружит,
Но не приходит в гости,
А я уверен, я ей нужен,
И строю в мыслях мостик...

Два берега двух жизней разных:
На том цветы танцуют,
А я в снегах на этом вязну
И по ночам тоскую.

И строю мостик, мостик строю
Из рифм и слов забавных;
Встаёт мой мостик над рекою –
Ажурный, яркий, славный.

На том мосту нет ссор-разладов,
Удача там любезней,
Она почти со мною рядом,
Лик явит и – исчезнет.

Из доброты вселенской соткан
Мой мостик. Строю, строю...
И ангелы выводят нотки,

Летая над рекою.

Со мной всю жизнь мои мечтанья,
И в них – моя удача;
С утра лечу я на свиданье
То с радостью, то с плачем.

Листаю старые альбомы...

Спешило время, годы улетали,
Взрослели-старились друзья...
А я стою на первом том причале.
Хотя, возможно, там стою не я?

В курсантской форме с галунами
Мальчишка смотрит в даль морскую.
Пусть бездна времени меж нами,
Я по мальчишке том тоскую!

Листаю старые альбомы
И вспоминаю мореходку.
Печаль на сердце и истома
От жизни долгой и короткой.

Летит, летит под парусами
Мой барк мечты, летит вперёд;
Что было с нами иль не с нами,

Забыл, но помню тот полёт.

Возвращаясь в долочье...

Под сенью белых облаков,
Где жизнь так вольно колосится,
Я в «вышиванке» средь цветов,
Как будто сон заветный снится.

Тропинка. Рожь стоит стеной.
Шагаю в детство я неспешно,
Шепчу ромашке полевой:
«С тобой я жил бы здесь безгрешно».

И верю, смог бы я так жить,
Не выбери судьбу морскую;
А впрочем, жизнь не рассудить? –
В селе без моря я тоскую.

Утреннее

Я иду навстречу солнцу
Вдоль прибрежной полосы;
Море справа напевает,
Слева – улица молчит,
Яркий свет глаза мне слепит.
Славно. Летняя теплынь.
В небе парус тучкой белой

Как рисованный стоит;
Светотени, блики пляшут.
Мне от рифм спасенья нет,
Прелесть утро! Муза шепчет:
«Я с тобой, душа-поэт!»

Один вечер

И ночи сменялися днями
До нас, о мой друг дорогой,
И звёзды свершали всё так же
Свой круг, предрешённый судьбой.

Омар Хайям

В небе закатном кречет
Ищет добычу,
Тихо крадётся вечер,
Кошкой мурлычет;
Горы насупились грозно,
Темь подступает;
В небе весёлом, звёздном
Песня летает.

Утро наступит, и кречет
В небо поднимется снова;
Вечер, задумчивый вечер –
В звёздах и в песенном слове.

Над городом повисли облака —
Сплошная пелена из серой массы.
Темнеет быстро. Вечер ранний.
Стою в раздумье у билетной кассы,
Ведь есть на белом свете страны,
Где море, солнце, воздух пряный,
Настоянный на травах горных.
Покину город сей притворный,
В село уеду я, к себе домой...

И мнится мне, там девушка поёт,
И клавесин мелодии той вторит.
О чём же песня та? О жизни вечной?
О том, что в небе южном ярки звёзды?
С улыбкой я прошу беспечно
Билет до станции конечной,
До Петушков на электричке.
Краюха хлеба, соль и спички
И девушка поющая — со мной.

А я без устали бегу,
Мой путь длиною в жизнь земную.
Пасутся кони на лугу,
А я бегу... напропалую.

Земля в цвету, земля в снегу...
Моя берёзка повзрослела...
Всё замечаю на бегу,
Мне до всего на свете — дело.

Грусть

Последним яблоком в саду
Живу в преддверии зимы;
Я сам с собою не в ладу
В тисках у жуткой кутерьмы;
Вороны без конца галдят...
«Руками слух я свой замкну»,
Вернусь на сотню лет назад
И встречу там свою весну...

Но нет, не стану, не вернусь, —
Я не покину тебя, грусть.

Утренние сумерки

Стало вдруг в окне сереть,
Побледнели звёзды в небе,
От тоски б не умереть,
Никому я не потребен, —
Есть здесь я иль нет меня?

Я смотрю во все глаза, —
Тает мрак вселенский, тает.
По стеклу бежит слеза,
Но тоска всё ж отступает, —
Отпускает западня.

Из-за гор, из-за морей
Муза явится к поэту,
Загорланит соловей,
И в окно заглянет лето.

* * *

С. М.

О, как мне нестерпимо жаль, —
Нельзя исправить тех ошибок!
Готов рвануть в любую даль,
Туда, где был я так негибок...

А ты... Тогда был слишком мал,
Чтоб спорить запросто со мною.
Ах, если б я тебе сказал:
«Мой друг, нас в этом мире – двое...»

Да что там! Много я бы смог
Исправить в том невинном детстве.
Как жаль мне! Правду знает Бог,
Но никуда теперь не деться.

* * *

Кто, скажи, твой близкий друг?
Тот, кого ты видеть хочешь,
И порой в глухой ночи
Ты к нему бежишь что мочи?
И красиво с ним молчишь;
Кто теперь он, дальний друг?
Тот, кого ты редко видишь,
Никогда не забываешь,
На цыганском иль на идиш
Он от роду говорит,
Но ты друга понимаешь,
За него душа болит?
Он за тридевять земель,
Ты с ним в радости и в горе;

В жаркий день или в метель
Мчишься, с другом чтоб поспорить,
Если нужно, поддержать
Или вместе помолчать.

Юбилей дружбы

Я верю в дружбу,
Свято в дружбу верю,
Но о таком и не мечталось,
Чтоб в мир прекрасный
Вдруг открыла двери
Сама бурятская богиня, —
Глаза, улыбка, взгляд-загадка...
И фантазийная причёска...
В греховных мыслях беспорядки,
Ни в чём я больше не повинен,
Хотя я сам себе не верю.

...Свободный вечер, чай зелёный,
В руках фужер, бутылка черри;
Байкал — замёрзший, мир — студёный,
Но как тепло! — я в дружбу верю.

Два брата

(притча)

Поссорились, случилось так, два брата,

И поводом для ссоры стал пустяк:
«Земля имеет чёткий вид квадрата», –
Сказал с апломбом младший брат,
А старший тихо молвил: «Нет, не так!
Известно всем, что круглая Земля!
И Землю круглой сотворил нам Бог».
Но младший брат в злобе не унимался,
На старшего ругался и плевался...
А тот за младшего в душе молился
И неразумного забыть не мог.
Как жаль, что мать навек ушла,
Теперь не может братьев примирить.
Откуда в младшем столько зла? -
Ведь мать родная праведно жила.
Как часто неразумными бываем,
Свою любовь словами убиваем.

* * *

Я собирал по склонам горным
Очёсы шерсти коз пугливых...
Был мир открытым, непритворным,
Речей не слыхивал глумливых.

В огнистой яркости скафандре
По вечерам в мою пещеру

Вползала тихо саламандра,
Я звал её богиней Герой.

С Небес слетали счастья искры,
И собирали их оливы;
А по утрам туман лучистый
Клубился в скалах молчаливо.

Средь певчих птиц обрёл свободу
И с небом чистым породнился;
Встречал в молитве я восходы,
Как будто заново родился.

И дух высокий, благородный
Сошёл с Небес, меня касаясь...

В лодке

Во весь рост стою я в лодке
И гоню её веслом.
Дама хлещет море плёткой,
Скучный мир горит огнём.

Дама волны подчиняет,
Разгоняет облака.
Полыхает, полыхает
Страсти бешеной река.

Мы вдвоём сильнее шторма,
Выше неба мы вдвоём;
Ненавидим слово «норма»,
Без приличий мы живём.

Все законы попираем;
Ветры, молнию и гром
Укрощаем, умирняем,
Если в лодке мы вдвоём.

На воде, на чистой глади
Наша лодочка стоит.
Морю с лодочкой не сладить,
Если в сердце страсть не спит.

В аэропорту

Обычный шум, многоголосье...
Зовут кого-то на посадку,
К отлёту кто-то опоздал...
Играют дети лихо в прятки
(И я когда-то так играл).

Твой самолёт не прилетает,
А моего – не существует...
На всех и вся я тихо злюсь

И, поминая чёрта всеу,
Коплю в душе обиду-грусть.

Чужие дети улетели, –
Всё в жизни просто и непросто
(Меня никто нигде не ждёт).
Обида в сердце жалит остро, –
Чужой здесь только я один.
Возьму билет на дальний остров,
На близкий сердцу Сахалин.

Дама с портрета

(по мотивам картины Тициана «Девушка в меховой накидке»)

Кто эта дама, что с портрета
Открытым взглядом сквозь столетья
Меня пронзает и тревожит?
Глаза сродни оливам тёмным,
И спорит ум в них с красотой...
Смотрю, шепчу: «Великий Боже,
Кому сподобилось когда-то
Стоять так просто с дамой рядом
И сей портрет с неё писать?»
Как идеальны, гармоничны
Черты лица... В них скромность дышит,

И благородство отражает;
Я в мыслях к даме обращаюсь
На языке мне незнакомом...
О Боже! Дама отвечает.
Хоть нежных слов не понимаю,
Но радость душу наполняет, –
Зачем мне что-то понимать?

Прощаюсь с дамой на портрете,
Вхожу в больничную палату,
Душой и сердцем улыбаясь.
И свет, и веру, и надежду,
О, как бы мне не потерять?!

Подкоп

Вдруг посреди старинного села,
Где жили люди сотни лет,
Граница почему-то пролегла.
И всё! Прохода людям нет.

Колючками ощерился забор, –
Соседей добрых разделил...
«Беда! Нелепица! Полнейший вздор!» –
Дед Опанас судьбу корил.

Живут за тем забором дочь и зять,

И собутыльник деда сват...
Хоть караул кричи, – ни дать ни взять,
Ведь стало бранным слово «брат».

Ну, как всё малым внукам объяснить
(Село одно, но две страны)?
Разорвалась родства бывшего нить,
И в том нет дедовой вины.

Собакам, кошкам, курам, петухам
Совсем граница не указ.
С утра ворчит дедуля: «Стыд и срам, –
Нечистый разделяет нас».

Дед призадумался, наморщив лоб
(Он на придумки был богат);
И сделал под границею подкоп,
И жизнь пошла... на старый лад.

Скорбь

В память о погибших в авиакатастрофе над Чёрным морем 25.12.16

Всё спит вокруг – ни шороха, ни всхлипа;
Мороз сковал уснувшие сады.
Шагают, вижу, по аллее липы,

Не это ли предчувствие беды?

Какая ночь тревожная, тягуча!
И вот в стекло синица клювом бьёт,
На небе тёмном громоздятся тучи, —
Над Чёрным морем гибнет самолёт.

Печаль тиха, вновь скорбь глотает слёзы,
А ненависть криклива и злобна;
В моём саду свирепствуют морозы,
И липам нынче не до сна.

День Победы – в Лимассоле
(9 мая 2017 года)

День Победы в Лимассоле –
Праздник трезвый и весёлый, –
Для известных лиц, простых,
Для погибших, для живых.

Встрепенувшись на мгновенье,
Смотрит пальма в удивленье:
Шторм ещё вчера умолк, –
Ведь идёт «Бессмертный полк»!

С нами сам святой Георгий,

Путь солдата долгий-долгий –
От начала до конца,
И... портрет в руке мальчика.

В гимнастёрке и в пилотке
Шаг чеканит парень чётко, –
Папин дед глядит с Небес:
В День Победы он воскрес?

Песня радости «Катюша»
Славит жизнь и греет душу;
Песнь победы, песнь весны,
И минута тишины,

В Лимассоле, в Лимассоле
День Победы – день весёлый...
Море песенку поёт,
Грустью дышит небосвод.

Письмо из Карловых Вар

Стоит отель мой на горе,
Внизу рассыпаны дома,
Вдали в полнеба горизонт, –
Там кто-то линию провёл,
Зелёной горною грядой
Небрежно так он вдруг отсёк

Небесного шатра кусок
И разделил наш мир чертой.

Невыносимо с этим жить, –
Зачем в полнеба здесь черта?
Ведь с ней короче стала даль,
И мысль в полёте не сомкнёшь.
Смотрю на мир чужой с утра
И думаю, что где-то там
Простор и ты. И мне – пора,
Пора к далёким берегам.

Камчадал

Туманы летние, шторма осенние,
И снежные сопки – зимой;
Мой друг, нам Камчатку во веки веков не забыть!
В Авачинской бухте, и в том нет сомненья,
Мы счастливы были с тобой.
С открытой душой друзья там – надёжные,
Я юными помню друзей, –
Хотел бы, мой друг, звенящую жизнь повторить?

А в песне – возможно, конечно, возможно...
Давай же споем поскорей;
Восходы морские, и в сопках закаты, –
Любви незабвенной причал...

О как же нам, друг мой, без ветра солёного жить?!
Туда мы вернёмся, вернёмся когда-то,
Ведь ты, как и я, камчадал.

* * *

Весна пришла?
Неужто птицы прилетели?
У нас земля белым-бела...
Рвану на юг я на неделе,
Куда глаза глядят рвану...
Нет силы ждать уже весну.

Соседский пёс,
Он носом перемены чует, —
Ничто смятенному мороз.
Он мечется, бедовый, всеуе...
И я как пёс... В душе разлад,
Люблю я вся и всех подряд.

Глаза прикрою. Дама в экипаже, —
Я вижу ту, что душу будоражит.

* * *

Запела улица с утра, –
И гвалт, и шум автомобилей;
Плетётся в школу детвора,
Жизнь далека здесь от идиллий;
А я в село... хочу в село,
Где тихо, просто и... невинно;
С чего меня так повело? –
Рисую райскую картину?
Того села давно уж нет...
Есть город, ложью захламлённый.
Но ведь когда один поэт,
В хорошем смысле забубённый,
На этом свете где-то есть,
Живёт надежда; всё вернётся –
Открытость, вера, правда, честь...
О, как залиvistо смеётся
Девчонка в солнечной весне!
И смех весёлый отдаётся
Искристой радостью во мне.

Весна бежит ко мне с восторгом –
Средь снега крокусы цветут,
Вновь птичьим гвалтом сад наполнен,
Траву сухую где-то жгут.
Всё это было – крики птички,
Цветы, проросшие в снегу,
И каждый раз, забыв приличье,
Весне навстречу я бегу.
Поманит, явится, исчезнет,
И снова мне мечтать о ней,
Такой заманчивой и нежной, –
Кто может быть Весны нежней?

Я вновь бегу к Весне стремглав,
Готов рвануть к родимой вплавь.
Весна в парке «Пратер»
(Вена)

Сова внезапно ухнет где-то,
Натужно каркнет старый ворон...
Весна спешит навстречу лету,
Призывных звуков парк наш полон.

Среди деревьев я неспешно
Иду к знакомой рыжей белке.
Здесь, в мире чистом и безгрешном,
Людские страсти стали мелки.

Душа отмылась от терзаний, –
К чему ей все мои мученья?
Когда мне плохо, утром ранним
Ищу я в парке излечение.

Кипр в мае

Пыль над островом нынче повисла,
Даже блеклое солнце в пыли;
В небе сумрачном числа и числа,
Числа стали визиткой земли.

В этих цифрах история Кипра –
Созиданья, терпенья, борьбы, –
До чего же богата палитра
Богом данной народу судьбы!

К нам с Востока – песчаные бури,
От Полярной звезды холод жжёт,
С Юга взгляды с прицельным прищуром,
Запад издревле любит и бьёт.

У моря на закате

Горит закат огнём влекущим,
Вода от зарева сверкает,
И мир такой прекрасно-сущий, –
От счастья сердце замирает;
Суетный день уходит ярко,
Забыты мелкие раздоры,
И нет чудеснее подарка,
Чем миг прощанья солнца с морем.
Уйдёт светило и вернётся,
И жизнь, конечно, повторится,
На скрипке вдруг сыграет Моцарт,
Споёт мне юная певица...
И всё, что было, всё вернётся, –
Не зря мне сон заветный снится.

Держу в ладонях тишину...

Пустынный сад у времени в плену...
Зачем оно остановилось?
Держу в ладонях нежно тишину,
Она как будто мне приснилась.

Сторожкой белки вижу снежный след,
Над ним летит бесшумно птица.
И спорит с вечной тенью бледный свет,
Мелькают предо мною лица.

Когда мой сад в заснеженном плену,
Я слушаю и слышу тишину.

Он

«Я песни слушать не хочу,
Стихи твои... нет! не читаю.
И ты молчишь, и я молчу.
Нам говорить о чём? Не знаю!»

...Он на меня так посмотрел,
Что я несказанное понял.
Над нами голубок летел;
Летел, спасаясь от погони.

Но коршун голубя настиг...
Зачем явился этот стих?

С рифмой в лето

К морю я бегу стремглав,
От волненья задыхаюсь.
Прав я, Бог мой, иль не прав? —
От мелодии спасаюсь.

Александр Родин

Гроза июльская гремит,
О, сколько грозам гимнов спето!

И я, ещё один пиит,
Врываюсь нагло с рифмой в лето.

Пусть с неба молнии и гром,
А дождь пусть ложь и подлость смое!
Рвану сквозь время напролом,
Шагать не стану общим строем.

Из дома я бегу стремглав,
Чтоб словом зло обезоружить;
Не знаю, прав я иль не прав,
Но громко шлёпаюсь вдруг в лужу.

О море!..

Ты ласково сегодня, море;
Со мною, словно кошка с мышкой,
Лежа у ног моих, играешь
И тихо песнь свою мурлычешь.

Теперь ты будто в полудрёме, –
Волна ленивая накатит,
Лизнёт песок, шурша отступит,
Затихнет, снова подкрадётся...

О море! Знаю я твой норов,
С тобой всегда я осторожен;

Когда ты сыто, ты играешь,
Хотя, как зверь, всегда опасно.

Но я люблю тебя, о море,
Люблю, боюсь и... ненавижу,
Бросаю, снова возвращаюсь,
И с каждым днём ты мне всё ближе.

* * *

Люблю, когда на небе облака
Пасутся, словно овцы на равнине;
Пастух пригонит их издалека,
И сам запрячется в небесной сини.

Могу часами в небо я смотреть,
Забыв о всём плохом, что есть на свете;
Проходит жизнь, её сменяет смерть,
А небо вечное за всё в ответе.

Как безмятежны нынче облака, —
В саду соседнем даже стихли птицы!
Пройдут года, а может быть, века,
И жизнь, я верю, снова повторится.

А облака? — они ведь кочевые, —

Неспешно удаляются родные...

* * *

Солнце горы осветило,
Тучка белая проснулась;
Мне сегодня подфартило, —
Небо утром улыбнулось.
Лодка-тучка в сини нежной
Высоко плывёт, неспешно,
На мгновенье в безмятежном
Мире, чистом и безгрешном,
Оказался я с утра,
В суету опять пора.

* * *

Там, наверху, такая синь,
Что не оторвать от неба глаз...
И в сердце тысячи богинь
Пустились в пляс, пустились в пляс.

Белеет облачко вдали,
Его мальчонка оседлал...
И слышу с грешной я земли,

Что он на флейте заиграл.

Мелодия любви звучит,
Душа омылась чистотой.
Мир очарованный молчит,
И в сердце сладостный покой.

Но подошёл к концу мой стих, —
Недолго длилась сказка та;
Один лишь миг, какой-то миг, —
И в мир вернулась суета.

Но чёрно-белые слова
Теперь живут и без меня...
Бывает в небе синева,
И дым бывает... без огня.

Осень в Вене с Иоганном Штраусом

Догола разделась осень,
Разноцветные наряды
В дальний спрятала комод
И, гуляя по бульвару
Вдоль Дунайского канала,
Песню тихую поёт.

Небо тучами закрыто,
Ветер мокрый что-то шепчет,

Чайки выются, как всегда;
И бежит, бежит поспешно
На свидание с Дунаем
Побледневшая вода.

На тропинке в тихом парке
Разбросала осень листья,
Словно краски разлила.
Навострила белка ушки
И умчалась восвояси, —
У неё свои дела.

Ноты в воздухе порхают,
Закружилась осень в танце, —
Ей сегодня всё здесь в кайф.
Вновь стою я пред маэстро,
Пред фигурой золотистой,
И кружится с нами вальс.

* * *

Чем пахнет осень в октябре?
Чем пахнет тихий листопад?
Слезой рябины на коре,
Влекущей свежестью опят,

Печальной нежностью цветов,
«Старушкой» жухлостью травы,
И хладом низких облаков,
И тленным запахом листвы.

* * *

Пастельный фон, цветные сны, —
Я в них летаю над водой...
Откуда — запахи весны
Осенней сумрачной порой?

Ещё раз об осени...

И снова осень. Ей поэты посвящали
Стихи печальные свои.
И оды пели, и, случалось, проклинали, —
Палитра пёстрая оттенков у любви.

И у меня есть тоже в жизни предпочтения,
Я с детства лето обожал;
А нынче... нынче славлю осень каждый день я, —
Конечность жизни осознал.

* * *

Трепещет лист последний на худой осине, —
Вот-вот несчастный отпадёт.
Печаль. Закатный свет в небесной сини.
И этот свет, и эта синь... уйдёт.

* * *

Зима подкралась незаметно
И вот диктует мне, как жить...
Прогнать её — попытки тщетны,
За что же мне её любить?

Уныло небо, сердцу зябко,
И стынут мысли на ветру...
Схватить бы мне себя в охапку,
Умчаться в лето поутру.

Тащусь я по дороге мёрзлой...
Куда тащусь? Не знаю сам;
Мечтать, наверное, уж поздно?
И вдруг... Не верю я глазам:

Зима улыбкой засверкала,
Искристым снегом обдала.
Я понял вдруг: мне не хватало
Зимы. И вот она пришла.

Люблю я сердцем бело поле,
Люблю позёмки тихий бег.
Я жил средь лета, как в неволе,
С мечтой, что вновь увижу снег.

Первый день января

Задумчиво-печально солнце ныне,
Ему недолго в небе зимним днём
Светить увитой гроздьями калине,
Пылающей и хладом, и огнём;
К весне нагрянут свиристели, лихо
Вмиг красоту небесную склюют...
А солнце? Солнце встанет утром тихо,
И птицы песню вечную споют.

Всё повторится. Снова цвести калине,
И будет бесконечно длиться день;
И где-то там, в неведомой долине,
Где вечный свет и где незрима тень,
С улыбкой буду вспоминать,
Январь я буду вспоминать.

Зимний день в Вене

Ну и пусть! Пусть серы тучи,
Снег искристый чуть блестит...
Но когда весёлый лучик
Ярко город осветит,

И тогда ты на контрасте
Всё увидишь, всё поймёшь –
Сколько тихой скрыто страсти,
Как сей город... как пригож!

Улиц зимних луч коснётся
И – бургторовских ворот;
В парке Штраус улыбнётся,
Моцарт в мраморе вздохнёт.

В пароконном экипаже
По брусчатке я качу...
Светлый луч мне всё расскажет,
Я с улыбкой помолчу.

* * *

У Дунайского канала
На дороге – утки дики,

Ходят-бродят где попало
Средь худой зимы, безликой.

Утки крикают негромко,
До меня нет птицам дела.
Ветер влажный, ветер колкий,
Коченеет моё тело.

Поросло давно всё былью,
Что сто лет назад случилось;
Одолжите, утки, крылья,
Улечу к своей я милой.

И сквозь время-расстоянье
Долечу до чудо-места,
Где назначено свиданье
Парня юного с невестой.

«Ути-ути, ути-ути...» –
Тихо я шепчу сквозь слёзы,
«Ути-ути, ути-ути...» –
Там ядрёные морозы,
Там зимой суровой пелось
И душа любовью грелась.

Небо тонет в серой стыни,
Воздух сыростью пропах.
До чего же мир пустынен
На унылых берегах!
...Из кустов вдруг утка вышла,
Покивала головой;
Где-то крик визгливый слышен —
Рыщут чайки над водой.
Важно шествуют вороны
По дорожке у воды.
А в траве среди газона
Мышь, не ведая беды,
Всё шуршит, шуршит, не зная,
Что свирепый рядом кот;
Я кричу: «Беги, родная,
Прочь от этих стылых вод!»
Мышка юркнула в испуге,
Кот лениво отбежал;
Две вороны, две хитрюги,
Учинили дикий гвалт.
У Дунайского канала
Утром тихим на заре
Встретил я друзей немало

В расчудесном январе.

Чудеса в венском парке

Ещё вчера была зима,
С утра вдруг солнце разгулялось;
Вокруг веселья кутерьма,
И в мыслях смелых зреет шалость.

Ведь это я рассыпал снег
Среди деревьев в зимнем парке...
Ведь это мой искристый смех
Февраль холодный сделал жарким.

Скворец поёт зимой в траве,
Весну безудержно торопит;
Я знаю, дом его в Москве,
А он гуляет здесь, в Европе.

Давай, дружок, лети домой,
К своей некрашеной скворечне;
Лети, лети... И я – с тобой,
В душе моей созрели песни.

Вдруг Штраус мне в ответ моргнул
И соскочил вмиг с пьедестала.
Скворец неистовый вспорхнул,

И грянул шквал аплодисментов...

Грусть

Диктует кто-то мне слова и строки
Под утро в стылом январе,
Так где ж поэзии живой истоки?
На Небесах? Иль на Земле?
Сереет небо, звёзды тихо гаснут,
Спугнуть мгновение боюсь, —
О, как светла и как прекрасна
Возникшая внезапно грусть!

Восходит солнце, снег сверкает,
И грусть с рассветом исчезает.

* * *

А мне б зимы ещё немного
С пушистым снегом и морозом...
Я помолюсь... спрошу у Бога:
Зачем в саду смешные розы?

Верни меня к зиме родимой,
Где по утрам синичек щебет
И колкий снег, такой любимый,
И где скупое солнце в небе.

Хохочет лето в красных розах,
Как я мечтаю о морозах!

В лесу

Могучие дубы,
Берёзы, ёлки, сосны
И пасынок судьбы
Орешник, мальчик взрослый,
Живут одной семьёй;
Но каждый понимает,
Кто выше над землёй,
Вот тот и выживает.
Приятели-друзья,
Соперники по жизни?
Картина бытия –
Всегда неправ, кто нижний...
Как мелкому прожить?
Орешник под угрозой?
Не нам его учить,
Стихам излишня проза.

* * *

С дубами куст живёт в ладу,
Лишь человек несёт беду.

Иван-чай

На опушке алым цветом
Полыхает иван-чай;
Это – лето, красно лето,
Это – лето-разгуляй!
Через лес тропинка к речке,
Земляничный рядом рай;
А на солнце яркой свечкой
Светит пчёлам иван-чай.
Это – лето, красно лето,
Льётся радость через край,
Манит, манит ярким цветом
Друг пчелиный – иван-чай.

Над венским лесом

О, как мила и как капризна
Красава Вена летним днём!
Не занимать мадам харизмы, –
Сверкнёт улыбкой под дождём,
А то, слегка нахмутив брови,
В небесной сини запоёт.
...Над Венским лесом – глаз коровий
Меня пугает и зовёт.

Фантастичный день

Руфи Швейцарской

Когда оливки собирали,
Каким прекрасным был тот день!
Лучи закатные играли,
Со мной играли свет и тень.

Дорога горная петляла,
Вела к вершинам бытия,
Любовь незримая летала, —
И вместе с ней летал и я.

Чужая женщина на Кипре,
Чужое счастье на свету,
Сверчки так пели, что охрипли,
В восторге славя красоту.

За горы солнце закатилось,
Печаль спустилась к нам с небес;
Чужая женщина простилась,
И фантастичный день исчез.

Пастораль

...И в предрассветные минуты,
Наедине с самим собою
Смотрю в безоблачное небо;

Мальчишку вижу, к водопою
Таун он гонит лошадей.
Воды речной и чистой брызги,
Ту шелковистость конской гривы
Я вспоминаю сквозь года.
Над лесом солнце загоралось,
Тот мир безоблачный, игривый
Ушёл навеки в никуда.

...Село проснулось, мир проснулся,
Улыбкой небо озарилось,
В нём счастье тихое играет...
О Боже мой, яви же милость,
Хоть на секундочку верни,
Верни меня в тот край рассветный,
Где пахло утренней росой,
Где я был юным и безгрешным,
Где солнце споро к водопою
Бежало вслед за табуном.

* * *

Ветер пахнет солью,
Горькой да прегорькой;
Море пахнет болью,
Сладко-острой, колкой;

Горы пахнут небом —
Тайной сокровенной;
Дом твой пахнет хлебом —
Счастьем незабвенным;
Нежностью печали,
Страстью урагана,
Глупостью морали,
Гладью океана,
Светом во Вселенной,
Утренней росой,
Вспышкой мгновенной, —
Пахнет мир тобою.

Прилетают птицы-рифмы
К светозарному поэту;
На Олимпе пляшут нимфы,
Ночь взрывается рассветом...
Пью водицу из колодца,
Что рифмую — всё поётся.

Дождь по лужам припустил... (полудетское)

Дом Апельсинника

Оранжевая крыша
И два больших окна...
Пригорок солнцем выжжен,
Чернильная стена;
По жёлтому пригорку,
О камни спотыкаясь,
Бежит от моря домик,
Над пальмами летает
Бескрылый добрый гномик,
А небо голубое,
А море сине-сине;
Я слышу шум прибоя;
Кричу я: «Апельсинник,
Я знаю, где твой дом!»
В зелёной пирамиде,
Воздушно-безобиден,
Скрывается мой гном.
Далёкий остров южный
Мне снится по ночам,
В краю морозно-вьюжном

Я верю чудесам.
Туда, где парус белый,
Где море сине-сине,
Где не гуляет грусть,
Туда, где гномик смелый,
Весёлый Апельсинник,
Однажды я вернусь.

Дождик

Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.
Всё равно его не брошу,
Потому что он хороший.

Агния Барто

Дождь по лужам припустил,
Барабанит из всех сил;
Пузырится страшно лужа,
Рядом с лужей пёсик кружит.

Он и лает, и рычит,
Лезть мне в лужу не велит;
Но играть в ней не брошу, —
Дождик тёплый и хороший.

Брызги до неба летят,
Жаль, что нет со мной ребят;

Петю мама не пустила,
Оле бабка запретила,

Дора смотрит из окна,
Ведь наказана она.
Но со мной дружок мой пёсик,
Он играть со мной не бросит.

Дождь куда-то убежал,
Интерес к игре пропал,
Я бегу к подъезду первый,
А за мною друг мой верный.

Мама трёпку нам задаст, —
Я промок не в первый раз;
Друга я в беде не брошу,
Потому что он хороший.

Чудо в парке

Пузыри пускали, мыльные, цветные,
Доставляя в парке радость детворе;
Прибежал к нам пони, розоватый пони,
Соскочив с картинки в синем букваре.

И сказал вдруг пони:
«Дяденька-кудесник,

Можно мне немножко с вами поиграть?»
В летнем парке люди наблюдали чудо –
Пони научился пузыри пускать.

Пузыри летали, дети веселились,
И на задних ножках пони танцевал.
Солнышко смеялось, лужицы светились,
Побывал я в детстве – пузыри пускал.

Настроение

Лодка-тучка в сини нежной
Высоко плывёт, неспешно,
На мгновенье в безмятежном
Мире, чистом и безгрешном,
Оказался я с утра...
На урок опять пора.

Фёдор Михалыч

(монолог мамы Александры)

А. П.

В сапогах резиновых,
В брюках парусиновых,
По морю мужчина,
Полтора аршина,
Шёл себе и шёл...

Рядом плыло брёвнышко,
Улыбалось солнышко:
«Будет моряком!»
Отражаясь в лужице,
Небо с солнцем кружится
Над моим мужчиной.
Нет у вас причины,
Нет причины, нет,
Не поверить важному
Смелому-отважному
Фёдору Михалычу,
Ведь он в парке давеча
Лужу окаянную –
Море разливанное
Взял и покорил.

Шесть годков ему от роду,
Но морской малец породы.

Мишка

М. Р.

У меня есть друг хороший,
Подарю ему калоши,
Будет Мишка вечерами
В них по улице гулять,

Будет друга вспоминать...
Скажет папе, скажет маме:
«Дядя Саша – друг хороший, –
Отдал мне свои калоши,
Все калоши без остатка,
Сам остался без калош...»
Ласков Мишка и пригож,
Словно ласточка-касатка.
Я люблюсь им. На фотке
Из добра друг Мишка соткан,
Глазки чёрные прищурил.
Губы сжаты, прячет смех;
Покорил дружок мой всех
В Подмоскowie, в Сингапуре,
В Орше, в Порту, на Камчатке;
Эх, ребятки, без оглядки
С Мишкой я в огонь и в воду,
Даже в прорубь залечу,
Если очень захочу.
С другом мы одной породы.
Он хороший, я хороший,
Он пригожий, я пригожий,
Мишка юный, я чуть старьй,
В общем, оба хороши,
Любим жизнь мы от души,
Юн и стар, а вместе пара.

Всё же есть у нас различье:
Бросив старость и приличие,
В юность дерзко ударяюсь
И учусь плясать дэнсхолл,
Друг гоняет мой в футбол.
Вместе с другом я меняюсь, —
В барабаны Миша бьёт,
Дядя Саша пиво пьёт.

Слепой дождь

Редкий дождик споро крапает,
Оживляется трава,
Машет пальма веткой-лапою,
В строки ладятся слова.

Позабытое-далёкое
Дождь слепой на Кипр принёс;
Речка детства неглубокая
Встала рядом в полный рост.

На лугу, у тихой Вилии,
Травы в утренней росе...
По реке моя флотилия
Уплыла во всей красе.

Те кораблики бумажные

Унесла в моря река...
Детство, юность, годы бражные,
И веселье, и тоска...

Шепчет кто-то мне желанное, —
Женский голос нежит слух.
От мечтаний — сердце пьяное,
Прочь тоска — взбодрился дух.

Впереди дорога длинная,
Время тихо вспять течёт;
Я вернусь в места былинные,
Где меня никто не ждёт.

Дождь слепой не зря покрапал,
Машет пальма веткой-лапой.

* * *

Я море вмиг переплыву,
Взберусь на облачко в мечтах,
Найду под снегом трын-траву
И поселю её в стихах.

Бываю сыт, от счастья — пьян,
И нос бывает в табаке...

Я – паинька и я – смутьян
С пером и фениксом в руке.

Давно ведь верю в трын-траву
И в сказку верить не боюсь.
Блефуя, я легко живу,
Легко обману поддаюсь.

Взлетаю к звёздам и парю,
Затем бросаюсь камнем вниз,
А то вдруг вспыхну и горю,
То я простак, то хитрый лис.

Мороз и дождь мне нипочём,
Я мыслью горы сворочу;
Мой слог высокий, словно гром,
Но я молчу, всегда молчу.

Мечты

Что ты каркаешь, ворона?
Или я тебе не люб?
У мечты свои законы, –
Сладок вкус солёных губ.

Я стремлюсь туда, где чайки
Реют смело над волной;

Там – чудачества и байки;
Горизонт – весь золотой.

Сумасшедший мир агоний,
Мир жестоких кулаков;
К чёрту карканье воронье,
В море прыг и... был таков.

Может, в южном синем море
Камнем вдруг ко дну пойду?
Смерть красна ведь на просторе
У птиц вольных на виду?

* * *

Александре Пальцевой

Деревенька Сонино –
Три старушки, дед один...
Тишь в ночи звенящая,
Жизнь моя – не зряшная,
Сам себе здесь господин.
У Москвы-реки бока
Золотисто-пьяные...
К рюмке тянется рука,
Черти окаянные!

Деревенька Сонино –
Хаты три, один овин
Дрыхнет в запустении,
Небо – в удивлении...
Испарился нафталин, –
И в помине моли нет,
Пахнет звёздной пылью;
Прибабахнутый поэт
Приобрёл здесь крылья.

Деревенька Сонино,
Рифмы в воздухе парят,
В речке воды сонные,
Лето забубённое...
На лугу цветы горят,
Эх, страда, моя страда,
Жизнь – душа шмелиная!
Брошу всё, вернусь туда –
В те края былинные.

Три старушки, дед один, –
Сам себе я господин!

К роялю лирика шагала...

* * *

Восторгаются мной дамы,
Воспевают и клянут...
То я честный самый-самый,
То пройдоха я и плут.

Пьяный, драный, окаянный,
Стильный, модный, дорогой...
Поперечный и упрямый,
То предатель, то герой.

Аккуратный и небрежный,
Хам, каналья и дурак...
Самый ласковый и нежный,
Друг заклятый, лучший враг.

* * *

Удивляюсь, восхищаюсь
И капризы дам терплю...

Но в который раз признаюсь:
Я вас, женщины, люблю!

* * *

Спросил гадалку я:
– Любовь не встретилась мне, нет...
Скажи, она – какая?
Сразил старушки той ответ:
– Любовь – печаль земная,
Светлей она, чем белый свет.

* * *

Пока ты вёсны не считаешь,
А я считать их перестал,
Хотя скажу тебе: «Ты знаешь,
От жизни всё ж я не устал...»

Тревожит душу птичий щебет,
Весенний запах сердцу мил...
А как услышу детский лепет,
Готов обнять весь Божий мир.

О, как легко меня растрогать

Какой-то милой ерундой...
Не так давно обрёл я Бога,
Воспрял опять седой душой.

Меня легко обезоружить
Улыбкой, парой добрых слов.
Весна поёт в весенней луже,
И я пою вслед за весной.

Пока ты вёсны не считаешь,
Давно я счёт им потерял,
Хотя скажу тебе: «Ты знаешь,
Я лишь с тобой весну познал».

* * *

Куда-то мчатся поезда,
Куда-то птицы улетают...
Лишь погрустневшая звезда
В тобой любимом чудном мае
Неспешно свет на землю льёт...
Который год, который год
Весну один я провожаю
И письма старые читаю.

Крыша красная, солнце яркое,
Дом на фоне зелёной горы;
На скамейке мы, в старом парке мы
Средь летящей вокруг мишуры
Из пустых, забытых обид;
Тени прошлого — дети малые
Не отходят от нас ни на шаг...
Чувства — новые, страхи — старые,
Нет дыханья живого в словах,
И костёр отчужденья горит.

Как под крышею, крышей красною
Пара ласточек раньше жила...
Время стылое и опасное,
Никудышные нынче дела, —
Больше ласточки там не живут;
На скамейке мы, отчуждённые,
А меж нами обиды стена.
Друг от друга мы отстранённые,
И неведомо, чья в том вина,
Но сердца примирения ждут.

Ветка мимозы

И был туман. И средь тумана
Виднелся лес и склоны гор...
И вдруг широкого Лемана
Сверкнул лазоревый простор.

Максимилиан Волошин

Давай же не будем, не будем,
Не будем топтаться по... нервам;
Притих абрикосовый пудель
У ножек прекраснейшей стервы.
Мужчиной брутально-свирепым
Торчу средь подушек занозой,
Ты что-то вещаешь нелепо,
А в зеркале ветка мимозы...

...Меня донимают сюжеты
Из небыли жуткой и были;
В межзвёздном пространстве поэтом
Парю средь космической пыли,
Во сне опускаюсь на землю,
Туманом вокруг всё покрыто,
Банальную быль не приемлю, —
Пинаю зачем-то корыто...

Я пуделем лягу покорным
У ножек прекраснейшей стервы...
Мне нравится мир иллюзорный,

Не надо топтаться по... нервам.

* * *

Отель. Окно. В нём вид Лемана,
А в вазе веточка мимозы.
До неба брызги от фонтана...
Опять влюбляюсь под гипнозом.

Мечты, мечты...

Давай плохое мы отбросим,
Что не случилось, всё забудем
И счастье спящее разбудим,
Вернуться к нам его попросим;
И самовар ещё прабабкин
Урчать нам станет, как и прежде.
И будет горько, будет сладко...
Возможно, явит лик надежда?

Перед рассветом

(в горной деревне Кало-Хорио, Кипр)

Лежу в ночи с открытыми глазами
И в мыслях жизнь перебираю...
А где-то там, за тёмными горами,
Есть та, о ком я вспоминаю...

Как бесконечно долго длится ночь!
О, эти петухи в деревне горной! –
Их пенье необычно звучно,
Хоть небо всё ещё иссиня-чёрно,
В окне толпятся звёзды кучно;
Но катится уже к исходу ночь,
Ночная птица всхлипнула и смолкла,
Звезда беззвучно с неба пала...
Я слышу, как в Сибири воют волки,
Я вижу, рушит море скалы...
Меня терзает неотступно ночь,
Хоть небо всё отчётливей светлеет,
Сам говорю себе с укором:
«Что медлишь ты? Вставай, Матвеев!
Скорее отправляйся в горы!»
...Петух пропел, и отступила ночь!

Перед автопортретом Виже-Лебрен с дочерью Жюли

Не оторвать мне взгляда от портрета, –
Улыбкой губы тронуты слегка;
Шепчу: «Бонжур, мадам Виже-Лебрен!»
Пределов нет фантазии поэта,
Мне кажется, в руке моей её рука,
Я попадаю к даме в сладкий плен...

А у неё девчонка на коленях –
Прелестная красавица Жюли,
Глаза манят, недетские глаза,
Во времени застывшее мгновенье;
Я отрываюсь тут же от земли,
Лечу назад, чтоб важное сказать.

Спасибо вам, Виже-Лебрэн, за встречу,
За краски вдохновенья на холсте;
Как удивителен сегодня вечер! –
Я сердцем прикоснулся к красоте.

Свет из прошлого

Киоко Сузуки

Глаза прикрою, предо мною
Стоит девчонка в шляпке чёрной...
И с этой памятью живою
Я словно в мире иллюзорном
Живу, уже давно живу;
Раскосы очи, след улыбки
Слегка заметен на губах;
Верну назад свои ошибки,
Вернусь к японке той в стихах,
Душа воспрянет, – дежавю!

Девчонку в мыслях я рисую,

В руках сосуд и жизнь в сосуде,
И нежности небесный свет.
И словно снова наяву я
На перекрёстке разных судеб,
Где мой и твой, Киоко, след.

Италия

Зовут её Италия –
Красива солнцеликая,
С коварно-гибкой талией,
Со страстью южно-дикою!

Свободно-независима,
Из высшего сословия,
Италия, брависсимо!
Отчаянно весёлая...

К магически изнеженной
Лечу, лечу я мысленно;
Из пустоши заснеженной
Шлю девушке эпистолы.

Италия, Италия! –
Душа поёт и светится!
Италия, Италия!
О, как с тобой мне встретиться?!

На Дунае

Распустила ночка крылья

Над дунайскою водой.

Звёзды с неба прилетели,

Словно бы на водопой,

Вмиг нырнули лихо в воду

И резвятся на волне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.